



Манар Мазай, 1937 год

ПОДВИГ СТАЛЕВАРА

Весной 1937 года я приехал в Мариуполь, на завод имени Ильича, чтобы сфотографировать знаменитого сталевара Манара Мазая. В то время имя его гремело по всей стране: о новаторской работе Мазая писались статьи, ему посвящались очерки, в его честь слагались стихи.

В смене каждой
вверх его выметала
страсть
и жажда
творчества металла!

(Семен Игнатьев «Манар Мазай»).

Я сфотографировал Мазая у мартеновской печи, затем побывал у него дома, а на следующий день уехал в Москву.

Недавно я разбираю свой архив, и мне из глаза попались снимки, сделанные тридцать лет назад. И тут я вспомнил Мариуполь, темный мартеновский цех, пылающие печи, вспомнил маленькую, с палисадничком хатку Мазая и его самого — невысокого, широкогрудого крепыша с большими, натруженными руками, вспомнил его открытое лицо, светло-наштановые волосы и синие-синие глаза.

От встреч с Мазаем у меня осталось ощущение, что он словно бы стеснялся своей славы, что в великой своей рабочей скромности он искренне не понимал, как заслужил всенародный почет: ведь он ничего особенного не сделал — он просто хорошо работал!..

...Когда началась война, Мазай жил в Москве и учился в Промакадемии.

Он точно же вернулся на завод и стал у мартена. — Дочуся после, а сейчас надо сталь варить! — сказал он товарищам.

И ежедневно выдавал свои прославленные «мазевские» спортивные планы, в которых так остро нуждался фронт.

Фашисты заняли Мариуполь внезапно, и Мазай не успел эвакуироваться. Ночью он ушел из города и поселился в маленькой деревеньке под Мариуполем. Он редко выходил из избы, опасаясь встреч с полицией. И никто не знал, где проводит дни и ночи самый известный и уважаемый в городе человек.

А тем временем в Мариуполь прибыли представители крупного концерна. Они пытались пустить завод, но это ни к чему не удавалось. — завод по-прежнему был мертв. Шеф полиции Шаллерт решил использовать авторитет Мазая, чтобы вернуть рабочих на завод. Гестаповцы усиленно искали Мазая и не нашли бы его, конечно, если бы не предатель!..

Однажды Мазай появился в городе. Фашисты схватили его на рынке в тот момент, когда он менял вещи на продукты.

Шаллерт делал все, чтобы склонить Мазая к сотрудничеству. Он задабривал его продуктами, предлагал деньги, подвергал мучительным пыткам, но добиться ничего не смог.

Тогда Шаллерт привел Мазая к мартеновской печи и приказал немедленно начать работу. Мазай плюнул в лицо фашисту № 9. А через несколько дней гитлеровцы замучили Мазая, так и не сумев сломить его дух.

Манару Мазая поставлен в городе памятник; его имя значится на доске, навечно прикреплённой к корпусу мартеновской печи № 9; его именем названа улица города. Такова история прекрасной жизни Мазая. Такова история его героической смерти.

Александр ЛЕСС

ЧЕЛОВЕК

Батальон форсировал заледеневшую Оку и овладел деревней Коломно на западном берегу реки. Но трудно было там удержаться без того, чтобы не занять соседнюю деревеньку Левшино, лежащую к северо-западу, на холме. Дело в том, что к Левшину вплотную подступал лес, а немцы накапливались в том лесу для контратаки. День выдался морозный и очень ясный, избы Левшино отчетливо просматривались с околицы Коломно, но виднелись главным образом соломенные крыши, а разглядеть, что делается в самой деревне, мешали огородные плетни и густой кустарник.

Командир 830-го полка 238-й стрелковой дивизии майор Чижов приказал начальнику штаба батальона лейтенанту Булахову разведать подступы к Левшину. С Булаховым отправились четыре разведчика, вооруженных автоматами, а ему самому автомата не досталось; он имел при себе лишь гранаты и пистолет. Все надели белые маскировочные халаты с капюшонами. Дивизию перебросили под Москву из Казахстана, и в те дни лица Булахова и его спутников были не по-зимнему смуглыми, хранили загар.

Пятеро ползли, шли, пригибаясь, по глубокому снегу, снова ползли по-пластунски. Пробирались огородами, прыгая за плетнями, к крайней избе на южной околице деревни. Какая-то перепуганная женщина сообщила, что в деревне полным-полно немцев, они расположились на постой почти во всех избах. Недавно немецкие кавалеры привезли из лесу термосы, сейчас солдаты обедают.

Сумерки быстро сгустились, подоспел последний декабрьский вечер, а тут еще пошел легкий снежок, видимость ухудшилась, и Булахов решил воспользоваться столь благоприятными условиями для внезапного нападения.

Разведчики незаметно пробрались на северный, дальний от них край деревни, рассредоточились, засели в риге и холодной баньке, которые находились в отдалении одна от другой. Но огонь по тускло подсвеченным окнам ближних домов автоматчики открыли одновременно.

Немецкие постояльцы без шинелей, без пилоток стали выскакивать на темную улицу, и тогда автоматчики взяли улицу под перекрестный огонь. Немцы решили, что деревня окружена, и побежали к лесу. Напуганная женщина оказалась права: их было не меньше сотни.

Булахов отправил к майору Чижову с донесением красноармейца Абишева и на всякий случай околными путем — еще одного автоматчика. Сам он вместе с Бессмертным и Осетровым не давал немцам прийти в себя и по-прежнему прилежно «подметал» улицу. В руках у Булахова уже был легкий трофейный пулемет. Они втроем усердно подбирали оружие, брошенное в домах или валяющееся подле убитых. Когда передовая рота вошла в Левшино, уже разбежались все фашисты, за исключением пятнадцати убитых.

— Все в порядке! — кратко рапортовал своему командир полка Булахов. Это его любимое прилагательное.

Булахов со своими соратниками захватил два станковых и пять ручных пулеметов, 22 тысячи патронов.

Подвиг смельчаков был воспет в песне политука В. Ф. Ванюшина. А вскоре композитор Константин Листов написал на нее музыку. Вот эта песня.



Все в порядке

Враг сидел в деревне крепко,
Смечь грозил ее дотла.
Тройка воинов в разведку
По дороге зимней шла.

И когда на снег и ели
Ночь легла,
Мы узнать у них хотели,
Как дела.

И ответ донесся краткий:
«Все в порядке!»

И сказал бойцам Булахов,
И сверкнул в глазах задор:
«Зададим же немцам страху
Всем чертам наперекор!»

Вот страна какую силу
Им дала!

И страна у них спросила:
«Как дела!»

И ответ донесся краткий:
«Все в порядке!»

Шли отважные ребята
На врага смертям назло,
Ливнем пуль из автоматов
Вспомнили все село.

Сотня фрицев убежала
Из села,
Мы скорей узнать желали,
Как дела.

И ответ донесся краткий:
«Все в порядке!»

Быть таким бы всем отважным,
Этим воинам под стать.
Хорошо и нам бы так же
Научиться воевать.

Нам на запад путь-дорога
Всем легла.

И страна нас спросит строго:
«Как дела!»

И ответ услышит краткий:
«Все в порядке!»

КОЛОСОЛ

чувством досады, неисполненного долга я понаидел этот городок. Да, дело было сделано, материал собран, очерк о человеке из песни, вернее, из двух песен будет, но разве это то, что надо? Я убежден, что встретил необыкновенного и в то же время очень простого человека с необычной и одновременно очень типичной судьбой. Я убежден, что создать в книге образ Алексея Булахова таням, таким он был и есть, — это значит воспеть образ настоящего положительного героя нашего времени.

Мы беседуем, и я узнаю еще об одном удивительном случае из боевой биографии Булахова. Дивизия, сильно поредевшая в боях, отходила на новые позиции. Фронт сжимался перед самой столицей, сжимался для могучего ответного контрнаступления, того самого декабрьского наступления, от которого фашисты покатились на Запад. Полк Булахова готовился к отходу, а Алексей должен был со своим батальоном задерживать гитлеровцев на одном из участков Можайского направления, хотя бы на несколько часов. Батальон! Грозное название. А численность его — всего семнадцать человек! Против них тоже был батальон. Только полный, штатный, вооруженный до зубов — 700 человек! Герои заняли позицию на безымянной высоте, перерезав шоссе и железную дорогу.

Вы помните, конечно, другую песню, «У безымянного поселка, на безымянной высоте»? В песне из восемнадцати ребят оставалось только двое. Булаховцев тоже осталось двое, только из семнадцати ребят. Они выполнили свой воинский долг.

Можно много размышлять, делать выводы и обобщения, говоря об удивительной судьбе человека почти из двух песен... Он дважды держал знамен на высочайшем уровне Героя Советского Союза. Он получил это высочайшее звание, но позже, в сороч четвертом году, когда с друзьями-гвардейцами одним из первых форсировал Неман. В двадцать девять лет Алексей Бу-

лахов в звании полковника, кавалера двух орденов Ленина, двух орденов Боевого Красного Знамени, ордена Красной Звезды, орденов Суворова и Александра Невского и восьми медалей, командовал последней операцией своего полка — десантом на косе Фриш-Нерунг в апреле 1945 года. За сплотив победителей был повержен, взятый штурмом Кенигсберг. Полк Булахова находился на направлении главного удара и взял в плен семнадцать тысяч гитлеровцев из крепостного гарнизона.

— Все в порядке! — доложил в тот памятный день Булахов командующему армией генералу Галицкому. Полковник Булахов отдал Родине не только свою молодость. На косе Фриш-Нерунг он был ранен в четвертый раз, и это не считая трех тяжелых контузий. Война закончилась для него за несколько дней до великого Дня Победы.

Он учился в двух военных академиях. Опытный, грамотный кадровый офицер, Алексей Анисимович, занимая должность заместителя командира дивизии, передавал весь свой богатый опыт молодым бойцам и офицерам. Но все чаще и чаще давали о себе знать ранения. Булахов попросил перевести его на более легкую работу и получил назначение заведующего одной из кафедр в сельскохозяйственном институте. Четыре года он проработал в институте. Чтобы не оставаться в стороне от того главного, основного, чем жил институт, Алексей Анисимович много и упорно изучал сельскохозяйственную науку, выезжал со студентами на практику.

В 1961 году врачи вынесли окончательный приговор — отставка, и медленно.

Мы сидим с Алексеем Анисимовичем в его кабинете. Передо мной худощавый, среднего роста, подтянутый человек, которому никак не дашь пятьдесят два года. Анкуртатный, я бы сказал, шаговелый темно-синий костюм сидит на нем ловко, словно военный мундир, ботинки сверкают, галстук туго затянут. На минуту за-

бывшись, можно представить, что мы находимся в столичном научно-исследовательском институте, но это только на минуту... Стоит взглянуть в окно, сразу вспоминаешь: мы в селе Старая Сития — центральной ферме совхоза «Ступинский», а передо мной не ученый, не инженер, а заместитель директора совхоза.

— Как это случилось, что вы, заслуженный на войне человек, потерявший здоровье, попали на эту хлопотливую работу? И вот опять характер Алексея Анисимовича: другой бы или промолчал, или поострил насчет пенсионеро-садоводов, Булахов — нет, внимательно посмотрел и стал рассказывать про совхоз.

«Ступинский» четыре года назад был создан из несиюльных слабых, запущенных колхозов. Земли были истощены, о севооборотах и не заговаривали, колхозники норовили перебраться в город или хотя бы на близрасположенные заводы, на железную дорогу, с организацией совхоза дела тоже поправились мало. Сверху шли непонятные приказы, порой совершенно неприемлемые. То сеять кукурузу, то полностью отказаться от янтаря, то нереально завышались планы сдачи зерна. Совхоз лихорадило, рабочие были недовольны, руководство менялось чуть ли не в полгода раз. А земля — главное богатство — истощалась от года к году. От совершенного недостатка удобрений, от отсутствия агрономического ведения хозяйства. В результате — убытки, убытки, убытки...

Алексей Анисимович рассказывает нетерпиво, кажется, что споняно, редко хмурится, еще реже улыбается. Очень по-деловому, очень сосредоточенно, видно, он сам еще и это раз все продумывает, взвешивает...

В 1961 году Булахов, выйдя в отставку, получил квартиру в небольшом подмосковном городке Ступине. Встала проблема: как жить дальше? Без дела Алексей Анисимович сидеть не мог. Пришел в совхоз «Ступинский» и попросился на работу.

Он знал, какое трудное дело вы-

брав... Он рассказывает, и я отмечаю одно характерное обстоятельство. Военные люди знают, как трудно бывает подтянуть отстающую часть, сколько приходится сил приложить, чтобы вывести ее в число передовых, отличных. Люди трудятся, не жалея времени, сил, здоровья. «Успех есть, результат длительного волевого усилия», — сиял кто-то из классиков, и эта формула очень хорошо известна и всемерно прививается людям в армии. Именно так принял новое дело Алексей Анисимович Булахов. Он пришел в новую для себя часть, принял дела и стал трудиться так, как трудился в армии, на фронте. Служил там, где Родина поставила, с честью и достоинством. Эта заповедь солдата стала второй натурой Булахова и очень пригодилась в новой жизни.

Булахов продолжает рассказывать, а у меня начинает как-то доходить его образ. Герой войны, полковник, заслуженный человек, человек, искалеченный войной, — ему бы сподобно жить, писать мемуары... И в то же время передо мной рабочий человек, труженник, словно бы начисто отбросивший свое военное прошлое, военную славу, военные заслуги. Двоится? Приходит другая мысль: нет, характер у этого человека цельный. Просто он всегда на самом переднем крае: на илинйишке фронта защищает деревню отвраем, на самом горячем участке дершит оборону со своим батальоном... Он всегда впереди, иначе для него невозможно. И еще мысль: он остался верен себе, своему характеру, но можно ли сказать, что не изменился? Нет. Переменялись условия. На фронте от Булахова требовались смелость, лихость, умение принимать мгновенные, единственно правильные решения. Теперь нужны мудрость, терпение и невероятная выдержка, выносливость. И еще то, что связывает этих двух Булаховых — того, грозного летчика, и сегодняшнего, — вера в наше дело, любовь к народу и Родине.

Марк БАРИНОВ

Два Булахова... Тот, из грозных лет войны, — лихой командир, смелый герой. Этот, сегодняшний, — мудрый хозяин, расчетливый и терпеливый. Что связывает их? Беззаветная любовь к Родине, народу, родной земле.

